

18+

Рита
Файт

10 причин полюбить тебя

Рина Райт

10 причин полюбить тебя

<https://litres.ru/73943898>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ян и Мики познакомились в чат-рулетке, будучи уверенными, что их разделяют сотни километров. Но судьба оказалась куда ближе, чем они могли предположить: их дома находились всего в нескольких сотнях метров друг от друга. Они могли пересечься десятки раз на улицах своего города, но вместо этого предпочли писать друг другу сотни сообщений, выстраивая свою историю через экраны.

Рина Райт

10 причин полюбить тебя

Глава 1

ЯН

Если бы кто-то ещё вчера сказал мне, что банальная скука приведёт к переломному моменту в моей жизни, я бы только посмеялся.

Но скука — это страшная сила.

Особенно, когда ты студент второго курса, у тебя позади бессонная ночь, а за окном дождь лупит по подоконнику с такой яростью, будто пытается заглушить любые мысли о лете. Вечереет, город кажется тусклым и мокрым, и даже лента друзей не радует: сплошные жалобы на сессию, зубрёжка, фотки кружек с кофейными пятнами и бесконечные мемы про недосып.

Обычно я не играю в эти “интернет-знакомства на удачу”, потому что вера в случайные встречи уже едва теплится после пары неловких попыток. Но сегодня наступил тот редкий случай, когда даже унылая запись лекции по ботанике кажется более насыщенной жизнью, чем мой собственный вечер. Хотя... нет, даже учёба не спасает. Вот и открываю “чат-рулетку”, без всяких регистраций, без лишних вопросов, просто чтобы хоть немного отключиться от этой вязкой реальности.

Пальцы автоматически набирают адрес сайта, экран светлеет, и сразу начинают мелькать первые профили: у кого-то на плече красуется попугай, кто-то слушает рэп на максимуме громкости, а другие выглядят такими же уставшими и потерянными, как и я. Я перелистываю один профиль за другим, даже не задерживаясь взглядом, внутренне уже готовый закрыть всё это и признать — не мой день. Вечер впустую.

Уже хочу выключить эту муть и переключиться обратно на свой сериал про ходячих мертвецов, как вдруг появляется новое окно.

Понимаю сразу с первой секунды — это девушка, несмотря на то, что видно лишь кусочек лица, да и тот скрывает медицинская маска. Камера выхватывает только тёмные, чуть растрёпанные волосы, упрямо падающие ей на лоб, и глаза.

Эти глаза.

Пронзительно-синие, настолько глубокие, что я бы поверил, если бы мне сказали — это фильтр или обработка. Но что-то подсказывает: так цифровая графика не умеет.

Они настоящие.

Честные.

В них отражается свет лампы и что-то чуть грустное, но живое.

— Привет, — говорит она первая, и я слышу в этом слове улыбку. Её голос — приятный, женственный, удивительно тёплый, чуть хриловатый, будто она сдерживает смех или усталость.

В одну секунду я понимаю — этот разговор будет совсем не похож на остальные.

— Привет. Ты тоже скрываешь лицо от суровой действительности? — сразу пытаюсь пошутить, чтобы разрядить обстановку.

Она вскидывает бровь — по глазам видно, что улыбается, хоть и прячется за маской.

— Надо же оставлять место для таинственности, — отвечает она с невесёлой грацией. В голосе мягкий сарказм.

— Значит, не скажешь, откуда ты? — подхватываю я игру.

— В настоящий момент я в больничной палате, маска — часть дресс-кода. Ещё немного — и мне начнут делать уколы от скуки, — усмехается она, поигрывая тонким запястьем, которое мелькает из рукава просторного свитшота.

Я чуть не давлюсь чаем.

— В палате? Надеюсь, ничего серьёзного? — спрашиваю осторожно. Не хочется лезть не в своё дело, но эта тема настаживает.

— Не, всё нормально, — легкомысленно отмахивается она. — Плановая скука и немного витаминов для профилактики.

Пока она говорит, я смотрю, как она поправляет волосы и, кажется, чуть ближе наклоняется к камере, будто хочет получше меня рассмотреть.

— А ты, — вдруг произносит она, — решил замаскироваться тенью?

Я медленно подношу лицо ближе к экрану, в итоге вижу на экране только свой расплывшийся силуэт — в комнате темно, света почти нет.

— Экономлю электроэнергию, — ухмыляюсь. — Да и вдруг кто-нибудь решит записать компромат. Моя анонимность — моя крепость.

Она смеётся так звонко, что даже маска не может спрятать этот смех — он озорной, искренний, и отражается прямо в её сияющих глазах.

— У нас сегодня сплошная конспирация, — говорит она. — Кто первым рассекретится — тот проиграл, да?

— Готов рискнуть, если на кону что-то интересное, — подыгрываю ей, делая вид, что задумался. — Может быть, тайный секрет?

— Ммм, секреты я люблю! — довольно хмыкает она и на секунду замирает, будто выбирает, какой выдать первой. — Готов поделиться своим?

— Если и ты расскажешь свою самую тёмную, самую грязную тайну! — улыбаюсь в ответ, хотя она этого всё равно не видит.

Она снова смеётся — и в этот момент экран уже не кажется преградой. Забавно, но ощущение, будто она сидит рядом, напротив меня, а не на другом конце города или страны.

— Ты первый, — говорит она, подпирая подбородок ладонью. Я вдруг замечаю, насколько изящные у неё тонкие пальцы, и почему-то залипаю на этом моменте.

— Только обещай не смеяться, — бросаю с притворной серьёзностью.

Она смеётся глазами и сразу отвечает:

— Извини, такое обещание я тебе не дам.

Мне нравится её честность и прямолинейность, а ещё лёгкость — с ней будто не нужно ни притворяться, ни осторожничать.

Я уже готов назвать какую-нибудь забавную школьную тайну, когда вдруг за окном оглушительно гремит гром и небо рассекает яркая молния. Я вздрагиваю, и на секунду кажется, что вместе со мной подпрыгнул весь дом. Но содрогается не только я — мой интернет тут же начинает рябить, картинка подвисает, звук обрывается.

Я в панике успеваю увидеть, как на чёрном фоне чата появляется короткий текст:

Если что мой ник в телеге Miki....

Через секунду связь окончательно срывается, экран становится чёрным. Комната наполняется только эхом грозы за окном и долгим прерывистым сигналом.

И, что самое ужасное, кажется, я не успел запомнить её ник...

Глава 2

Примерно полчаса отчаянно пытаюсь подобрать нужную комбинацию букв, найти тот самый контакт в списке. Всё тщетно. Нервы на пределе — я уже готов рвать на себе волосы и чувствую себя полнейшим идиотом. Можно было бы,

конечно, забить. Девчонок с потока и так хватает, мозги не успевай поворачивай. Но, чёрт возьми, меня зацепила именно эта Мики.

Поэтому упрямо продолжаю искать: тыкаю по иконкам, проверяю похожие ники, всматриваюсь в звонкие аватарки. Почти сдаюсь, но наконец кажется, что-то похожее нахожу. Долго думаю, что написать, ведь не уверен, тот ли это аккаунт. В конце концов просто решаюсь:

Ян: Это тот самый парень из тени. Есть контакт?

Она отвечает почти мгновенно — у меня прям мороз по коже:

Мики: Есть контакт! Я уже решила, что ты не напишешь.

Я с облегчением выдыхаю, даже не замечая, что широко ухмыляюсь экрану. Сердце начинает стучать быстрее — не зря провёл вечер в поисках.

Ян: Я не успел толком запомнить твой ник, целый квест устроил. Теперь даже горжусь собой.

Провожу рукой по волосам, всё ещё не веря, что, похоже, действительно угадал. Неожиданно даже появляется чувство победителя — будто выиграл что-то важное.

Мики: Я рада, что ты справился с этой непростой задачей.

Я откидываюсь на спинку кресла и улыбаюсь ещё шире, пальцами отбиваю лёгкий ритм по столу.

Ян: Я тоже.

Весело постукиваю по телефону, не зная, как лучше продолжить, чтобы разговор не стал скучным.

Мики: Что на счет секрета?

Ян: Предлагаю сразу к серьёзным признаниям... Готова?

Мики: Я вся внимание...

Я на мгновение задерживаю пальцы над клавиатурой и, ухмыляясь, решаю не фильтровать правду:

Ян: Впервые поцеловался я в двенадцать. После огромной пачки сухариков с чесноком и хреном.

Отправив сообщение, залипаю в экран, представляя, как она отреагирует.

Мики: Ахахаха! Прямо романтика... И как прошло?

Я недолго думаю, жмурюсь, вспоминая этот глупый эпизод, и невольно качаю головой:

Ян: Мягко говоря — не очень. После этого поцелуя девочка сказала, что никогда больше не будет со мной целоваться. Вот так моя первая любовь бесславно погибла из-за сухариков.

Улыбаюсь сам себе, вспоминая, сколько лет после этого чувствовал себя идиотом. Перечитываю её ответ — уже жду вторую волну смеха.

Мики: Ты открыл тайный способ?

Ян: Да! Если вдруг не хочу целоваться с какой-то девушкой, всегда держу при себе пачку тех самых сухарей. Универсальный “отпугиватель”.

Горжусь своей “находчивостью”, хотя понимаю, что звучит ужасно забавно и немного по-детски.

Мики: Гениально! Ты изобрёл средство самообороны от

случайных романов. А вдруг однажды встретится такая, которой понравится этот душок?

Ян: Вот тогда останется только влюбиться по-настоящему. Запомни: если однажды вдруг резко захочу перед встречей с тобой сухариков — значит, есть повод насторожиться :)

Отправляю и нервно поглядываю на экран, вдруг она подумает, что я совсем странный.

Мики: Хорошо, буду иметь в виду! Если запах чеснока пробьётся даже через дистанцию и интернет, значит, всё серьёзно...

Смеюсь. Читаю её ответ.

Кажется, я никогда раньше так просто не делился своими детскими глупостями. И, возможно, совсем не случайно, что именно сейчас мне захотелось рассказать то, о чём обычно даже с друзьям не вспоминаешь.

Мики: Мой секрет, конечно, не такой острый, но, если хочешь, могу поделиться... грязным

Ян: Ауф...

Мики: Насколько “грязный” секрет ты хочешь услышать?

Я хмыкаю себе под нос, глядя на экран. Интересно, на что она способна — прямолинейность у этой девушки и правда крутая. Я ерзаю на стуле, ловлю себя на глупой улыбке, когда набираю:

Ян: Самый-самый грязный.

Мики: Хорошо, держись. В четвёртом классе я решила признаться мальчику в симпатии и положила ему в рюкзак

шоколадку с запиской. Только я не учла, что он оставит этот рюкзак у батареи на весь день...

Господи, вспоминаю свой первый “грязный” секрет с сухариками — и понимаю, что жду продолжения, как финал триллера.

Ян: Слово “грязный” начинает приобретать буквальный смысл...

Я прикусываю губу, сдерживая смех и представляя всю эту картину в своём стиле: девочка, рюкзак, растаявший шоколад.

Мики: О, да! К вечеру шоколадка растаяла, и, когда он достал сменную форму, всё заляпалось в липкой бурой массе. Он жутко разозлился — и, чтобы отомстить, намазал содержимое по всей внешней стороне моего портфеля.

У меня округляются глаза — неужели такое вообще могло произойти? Протираю рукой подбородок, чтобы не захотать слишком громко.

Ян: Оу, прикольно... То есть ты пошла домой вся “отмеченная шоколадом”?

Пару секунд сижу с раскрытым ртом, пока жду её ответа. Смешно и немного жалко, и почему-то хочется лично поддержать маленькую школьницу.

Мики: Увы — нет. Все одноклассники решили, что это совсем не шоколад, а... ну, ты понял. Надо мной смеялись всю неделю. Вот такой действительно грязный секрет.

Я почти слышу, как она улыбается, печатая. Перечитываю

её слова и невольно качаю головой: вот же сила — рассказывать такое и не терять самоиронии.

Ян: Это уровень! Это сразу в топ моих историй о выживании в школе. Я теперь очень горжусь знакомством с “легендой шоколадного фронта”!

Мики: Спасибо! После такого опыта мне никакое студенчество не страшно.

Ян: Охотно верю. И теперь я обязан угостить тебя настоящим вкусным шоколадом при встрече — чтобы реабилитировать все тёмные школьные воспоминания!

Мики: Моя детская травма уже проработана. Но спасибо за предложение.

Я отклоняюсь на спинку кресла, всё ещё улыбаюсь, чувствуя неожиданную легкость в груди. Но тут скользит взгляд на часы — почти час ночи. А мне завтра к первой паре.

Надо бы сворачивать диалог, но честно — так не хочется. В голове крутится какая-то школьная песня, а в душе — странное лёгкое послевкусие от всей этой ночи.

Печатаю, пытаюсь не показывать, насколько не хочу прощаться:

Ян: Кстати... Сколько тебя ещё держать планируют?

Мики: Если завтра анализы будут идеальными, меня наконец-то выпустят на свободу.

Ян: Звучит отлично. Мне было очень приятно с тобой общаться... Но завтра рано вставать, иначе я усну на первой

паре.

Мики: Мне тоже. Спокойной ночи!

Ян: Спокойной.

Я выключаю телефон, ложусь в тёмной комнате, какое-то время просто смотрю в потолок. Всё внутри как будто немного светится.

И в голове всплывает самый яркий момент вечера — её взгляд. Эти невероятно синие глаза, в которых я кажется просто увяз.

Я ведь до сих пор не представляю, как она выглядит без маски, и совсем не знаю, какая она на самом деле — вне экрана, за пределами переписок. Но мне всё равно хочется продолжать это общение. Хочется новых историй, её смеха, её личного мира, в который хочется проникнуть хотя бы ещё на шаг ближе.

Если бы меня спросили, почему именно Мики, я бы без раздумий ответил: в такие глаза невозможно не влюбиться.

Да, глаза.

Именно они.

Это первая причина, почему мне захотелось узнать её ближе.

Глава 3

МИКИ

Сегодня утром я почему-то проснулась раньше, чем обычно. Наверное, где-то глубоко внутри жила надежда: сейчас я

открою глаза — и окажусь не здесь, а дома, в своей комнате с видом на парк, среди любимых книг и солнечных пятен на стенах. Но увы, в реальности меня снова встречает белая простыня, натянутая до невозможности, потолок с тусклой лампочкой и всё тот же безликий больничный пейзаж.

Анализы оказались не такими идеальными, как хотелось бы, и врачи меня не выписали. Опять.

С тех самых пор, как начались месячные, это был кошмар. В школе меня регулярно увозили на “скорой”, пока гинеколог в шестнадцать не вынесла вердикт: “Скорее всего, эндометриоз. Будем наблюдать”. Теперь “наблюдение” означало неделю в больнице каждый год, кучу бумажек для школы, а сейчас для института и вечную ложь о том, куда я пропадаю.

Я делаю глубокий вдох, перекаत्याюсь с боку на бок, слушаю, как за тонкой стенкой скрипит носилками санитар и кто-то тихо жалуется медсестре. Всё это так надоело — одни и те же капельницы, вечный фон телевизора, одинаковые истории соседей по палате. Внутри глухая пустота и легкая безысходность, как будто воздух стал тяжелее.

Очень хочется домой. По-настоящему — туда, где утром воробьи так громко щебечут за окном, что даже ни одна попытка подремать не спасает. Туда, где можно спокойно заварить нормальный чай, а не пить эту мутную жидкость цвета старых учебников. Скучаю по своей комнате, по привычному свету, по запаху свежей выпечки из кухни, по маминой вечной борьбе с пылью, по объятиям — пусть и ворчливым.

Ещё больше тянет в университет. Я ведь только попробовала — первый курс, головокружительная новизна, всё вокруг пугает и одновременно захватывает. Я едва успела привыкнуть, едва нашла свое место... И вот снова оказалась здесь, наедине со своей медицинской маской, дневником, телефоном и интернетом, который уже давно изучен мной до дыр.

Друзья из школы вдруг стали какими-то далекими. Наша переписка редко переходит за пару строчек — кто-то уехал в Москву, кто-то уже выкладывает сторис с новыми компаниями, новые шутки, новые увлечения. Чувствую себя будто бы забытым персонажем среди их обновленных биографий. А у меня из друзей сейчас только медсестра Любочка, которая иногда улыбается мне в проходе, и кактус на подоконнике, которого я с комическим рвением спасла позавчера из мусорки.

В этот момент мой телефон оживает, внезапно громко жужжит от нового сообщения. На экране светится знакомое имя. И неожиданно — внутри становится чуть-чуть теплее.

Ян: Привет! Ну что, ты уже на свободе? Или все ещё в плену у белых халатов?

Сердце вздрагивает и начинает биться быстрее, разгоняя кровь так, что мне кажется — краснеют даже кончики ушей. Он написал. Я не ожидала, что это произойдёт. Если честно, была почти уверена, что наш диалог останется просто атмосферой одного одинокого вечера — и исчезнет, как и боль-

шинство случайных встреч «онлайн». А тут — новое сообщение, яркое и живое.

Я несколько секунд просто смотрю на уведомление, будто не веря глазам, и пальцы начинает покалывать от нетерпения. Хочется сразу же ответить, но я мысленно считаю до десяти — вдруг слишком уж бросаюсь, вдруг покажусь навязчивой? Ладони волнительно потеют, ноги словно прячутся под одеяло, а я ещё замечаю: в такие моменты всегда начинаю кусать нижнюю губу и невольно улыбаюсь.

Мики: Привет! Увы, свободу перенесли на неизвестный срок... Сказали “понаблюдаем еще денёк”. Я тут уже скоро начну разговаривать с капельницей, если честно...

Он отвечает так быстро, что мне кажется — сидит с телефоном в руках и ждёт моего сообщения.

Ян: Ну, главное - не начни ей отвечать, пока медсестра рядом :)

Я моментально представляю эту сцену и хихикаю.

Я мгновенно представляю: я в больничной пижаме, увлечённо спорю с капельницей про смысл жизни. И не выдерживаю — хихикаю вслух, чем вызываю удивлённый взгляд соседки по палате.

Мики: Держусь, но чувствую, что скоро буду заговаривать с капельницей. Если начну её наряжать — бей тревогу.

Улыбаюсь, отправляя сообщение. Самой не верится, что этот глупый юмор сейчас настолько спасает. Я всматриваюсь в экран, чувствуя лёгкое тепло — стало привычно ждать

именно его ответ.

Ян: Вот, что значит — настоящая адаптация. Будешь первой девушкой, которая завела лучших друзей среди больничного оборудования.

Я хихикаю и невольно оглядываюсь: капельница, градусник на тумбочке... Как будто Ян видит меня через экран.

Мики: Да, у меня теперь семейство — капельница, градусник и мой кактус.

Ян: Не грусти! Если станет совсем тоскливо — пиши. У тебя же бесплатная подписка — круглосуточный приём сообщений, мемов и тупых шуток.

Когда я читаю это, внутри появляется что-то похожее на маленькую радость. Улыбаюсь в полумраке палаты и впервые за сутки не ощущаю себя абсолютно одинокой.

Мики: Это тестовый период?

Пока печатаю, сама себе удивляюсь, как спокойно и легко мне шутить с этим человеком, будто знаем друг друга сто лет. Впервые за неделю беру телефон в руки не из привычки, а потому что просто хочется говорить.

Ян: Нет, эксклюзивно для тебя — бессрочная подписка. Даже обновления не требуются!

Я непроизвольно хихикаю. Какая-то простая, честная забота так неожиданно приятно согревает. Как будто появился личный источник солнечных мемов.

Мики: Смело! Только предупреждаю, аннулировать меня не получится. Я из тех знакомых, что неожиданно укореня-

ются надолго.

Прикусываю губу, не слишком ли навязчиво звучит?

Ян: С такой настойчивостью ты явно попадёшь в топ моих любимых собеседников. Правда, есть обязанность — всегда смеяться хотя бы над третью моих попыток пошутить!

Я улыбаюсь экрану, когда строчу ответ. К слову, улыбка за время нашей переписки ни разу не сошла с моего лица.

Мики: Договорились! Готова стать премиум-подписчицей.

Ян: Ловлю на слове. Извини, пора в универ, спишемся позже?

Мики: Да, хорошего дня.

Ян: И тебе, и не скучай. Если что — вызывай меня по экстренной кнопке для борьбы с больничной скукой. А если понадобится — приду спасти тебя с запасом мемов и виртуальных обнимашек!

Я отползаю в угол кровати, улыбаясь как дурочка. Откладываю телефон, а в голове вертится мысль.

Как парень, с которым мы знакомы всего два дня и только онлайн, вот так спокойно может разогнать мою больничную тоску парой фраз?

Если бы у меня был парень, я бы точно хотела, чтобы у него было такое чувство юмора. Чтобы он так же умел развеселить меня даже в самый хмурый день.

Глава 4

МИКИ

Наконец-то меня выписывают! Анализы, конечно, не такие идеальные, как хотелось бы врачам, но я почти слезно прошу отпустить меня домой — больше нет сил находиться в больничных стенах. Никогда не любила больницы.

За мной приезжает папа. В машине на заднем сиденье лежат рулоны обоев — дома продолжается ремонт у младшего брата. Папа сразу начинает рассказывать, как они с Максом два дня штукатурили стены: смеётся, вспоминает, как всё измазали краской, и как наш кот Барсик успел оставить свои отпечатки на свежей штукатурке, прежде чем его поймали.

Я улыбаюсь, представляя, как Барсик топает по свежим обоям, а папа с Максом бегают за ним по комнате. Почему-то от этой обычной картинки сразу становится легче. Всё это такое родное, настоящее — и пусть дома опять кто-то что-то натворил, я правда скучала по таким моментам.

А ещё я всё время ловлю себя на мысли, что хочу написать Яну. Так и тянется рука к телефону, чтобы просто набрать: "Привет! Добби свободен!". Но почему-то сдерживаюсь. Не хочу казаться навязчивой. Да, он сам говорил, что у меня "бессрочная подписка" и я могу писать ему в любое время, но вдруг у него есть девушка? А тут появляюсь я, внезапно и будто без повода...

Хотя, если подумать, стал бы он тогда так со мной общать-

ся, если бы у него была девушка? Но, если честно, немного зная парней, я бы не удивилась — некоторые ведь вполне способны на такое.

Эта мысль почему-то немного ранит, хотя я сама не понимаю, почему.

Когда я захожу домой и переступаю порог своей комнаты, первое, что чувствую — резкое раздражение. Везде беспорядок: на кровати навалены учебники седьмого класса, мятые футболки, на столе кипа тетрадей вперемешку с какими-то проводами, а мои кактусы отодвинуты к самому краю подоконника. На моём стуле сидит Макс, уткнувшись в телефон и даже не поднимая на меня взгляда.

— Максимилиан, это что вообще такое?! — злость во мне нарастает, когда я понимаю, что родители разрешили ему спать в моей комнате.

Он не отвечает сразу, потом лениво бросает:

— Ты же знаешь, у меня ремонт.

— И? Гостиная тебе чем не подошла?

— Она проходная, — фыркает он, даже не оборачиваясь.

— Ты бы хоть прибрался, — говорю уже чуть тише, стараясь не сорваться, но в голосе всё равно дрожит раздражение. — Это, на минуточку, моя комната.

— Заберу всё потом, — отмахивается Макс, не сводя глаз с телефона.

— Нет, убери сейчас. Я пойду в ТЦ, а когда вернусь, хочу видеть свою комнату чистой, — говорю резко и выхожу, не

дожидаясь его реакции.

Хорошо, что мамы нет дома — она бы точно встала на сторону Макса. С ней ругаться сейчас совсем не хочется. Папа же традиционно держится в стороне от наших с братом разборок, так что я остаюсь со своей злостью наедине.

— Па, я в ТЦ за канцтоварами, — бросаю на ходу, заталивая ноги в кроссовки.

— Ты есть не хочешь? — папа выглядывает из кухни.

— Потом! — отвечаю, уже накидывая джинсовку и выходя из квартиры.

По дороге в лифте достаю телефон и пишу Оле — моей соседке по дому и школьной подруге. Мы учились в параллельных классах, не лучшие подруги, но всегда было легко и просто общаться:

Мики: Оля, привет. Хочешь со мной прошвырнуться по ТЦ?

Оля отвечает почти сразу:

Ола: Давай, мне тоже надо закупить кое-что для учебы. Через сколько?

Я смеюсь сбегаю по ступени в подъезде.

Мики: Сейчас)

Ола: Бегу!

За это я и люблю Олю — она всегда легка на подъём. Если у неё нет других дел, она спокойно вписывается во все мои авантюры. А ещё она просто супер-специалист по информатике: без неё наша группа сдала бы только половину лабора-

торных.

Я выхожу на улицу и прищуриваюсь от неожиданно яркого солнца — для октября стоит настоящее бабье лето. Воздух свежий и тёплый, не верится, что недавно было совсем холодно. Пока жду Ольку у подъезда, наклоняюсь к земле, собираю небольшой букет из разноцветных кленовых листьев — красных, жёлтых, оранжевых.

— Это мне гербарий? — вдруг слышу знакомый голос за спиной.

Я оборачиваюсь и улыбаюсь, протягивая ей свой пёстрый “букет”.

— Держи.

— Спасибо! — Оля с улыбкой берёт листья, даже притворно нюхает их. Я смеюсь, наблюдая, как она с детской серьёзностью морщит нос. Но тут она резко подбрасывает их вверх — листья медленно кружатся и падают нам под ноги, разноцветным дождём рассыпаясь по асфальту.

— Ну вот, я старалась, — наигранно обижаюсь.

— Зато красиво и атмосферно, — подмигивает Оля. — Пошли, чего стоять, погода прекрасная.

Она берёт меня под руку, и мы идём несколько кварталов, обсуждая всех, кого знаем по школе. Кто на кого учится, кто уже умудрился перевестись, кто живёт в общежитии и с кем уже не поддерживаем связь — тема для разговоров не иссякает.

Дорога до торгового центра пролетает незаметно. Мы обе

прекрасно понимаем, зачем пришли, поэтому сразу поднимаемся на эскалаторе на второй этаж, прямо в отдел канцтоваров. Я выбираю несколько ярких тетрадей и цветные маркеры, долго разглядываю полки с органайзерами, пробую на ощупь бумагу. Оля зависает у стенда с новыми ручками и блокнотами, и моментально находит для себя парочку "абсолютно необходимых" вещей.

Мне вдруг становится легче — просто потому, что я снова в обычной жизни: можно бродить между полок, обсуждать с Олей бумагу для записей, спорить, какие стикеры полезнее, и особенно — делиться планами на учёбу, на что-то смешное и далёкое от больничных стен, домашних споров и недо-молвок.

В отделе проводим достаточно времени, чтобы выбрать всё необходимое. Потом идём за горячим шоколадом на вынос — их густой запах всегда ассоциируется у меня с чем-то спокойным и настоящим. С пакетами и покупками шагаем к эскалатору, и Оля что-то весело рассказывает, но я уже слушаю вполуха: мысли уносят меня вперёд.

Завтра первый день в универе после долгой паузы. Я отсутствовала почти две недели, и теперь переживаю, что за это время все одноклассники уже нашли общий язык, подружились, шутили свои первые шутки и уже держатся вместе. Страшно быть этой самой "новенькой" в середине октября — лишней, белой вороной. Я мысленно перебираю варианты, с кем могла бы поговорить первой, кому улыбнуться, что

рассказать, чтобы не казаться странной.

Мы встаём на эскалатор, и я машинально оглядываюсь по сторонам. Навстречу, по встречному эскалатору, наверх поднимается высокий парень в чёрной худи с белой надписью: “Молчи и не беси”. Я невольно замираю, почти вцепившись в поручень, пытаюсь рассмотреть его лицо, но он быстро исчезает из поля зрения — остаётся только картинка, как чёрный силуэт растворяется где-то вверх. В голове тут же проскакивает глупая мысль: а вдруг это Ян? Но тут же отмахиваюсь от неё — мало ли кто сейчас ходит в таких худи.

— О чём задумалась? — спрашивает Оля, внимательно посмотрев на меня.

— Да ни о чём, — качаю головой, выдавливаю улыбку. — Просто сложно возвращаться... В универе, наверное, все уже подружились.

— Ты классная, — серьёзно говорит Оля и игриво толкает меня в бок. — Ещё друзьям повезёт, что им досталась ты! Да что там, уверена — скоро и парень нарисуетя.

Я улыбаюсь в ответ, но внутри всё равно гложет лёгкая тревога — неизвестность всегда пугает сильнее.

Как только мы выходим из ТЦ, у меня в руке вибрирует телефон. Бросаю взгляд на экран — новое сообщение. Стоит только увидеть, от кого оно, на лице тут же появляется улыбка.

Ян: Хай! Как смотришь на то, чтобы сыграть в игру?

Глава 5

ЯН

Я никогда не понимал кайфа от посиделок в кафе, особенно от этих модных, людных, где каждый вроде бы пришёл за общением... а на самом деле просто листает телефон. Сегодня я сам такой. Выбрал самый дальний столик у окна, заказал чай — для фона и занятости рук, и механически ковыряю десерт. В голове гудит посторонний шум: официанты снуют туда-сюда, у каждого стола свой параллельный анекдот про жизнь, учёбу или работу. А мой настоящий момент где-то не здесь.

На автомате открываю чат с Мики. Это уже как привычка.

Ян: Хай! Как смотришь на то, чтобы сыграть в игру?

Поймал себя на том, как жду даже не ответа, а её настроения — как быстро она подастся на этот флирт, что лукавого ввернёт в ответ. Может, это глупо, но с ней я становлюсь чуть дерзким, чуть не собой.

Мики: В игру? И какие правила?

Усмехаюсь, набирая ответ:

Ян: К чёрту правила. Сегодня у нас фристайл: выиграет тот, кто больше уйдёт за грань дозволенного. Рискнёшь?

Она будто ловит мой посыл, и я представляю её улыбку, немного лукавую — это видно даже по коротким репликам.

Мики: Люблю риск, но только когда не обещают его заранее. Если соглашаюсь — с кого ход?

В этот момент замечаю в зале знакомое движение. Отрываю взгляд от экрана телефона и вижу, как Саня вертит головой по сторонам, а Димка первым замечает меня и машет рукой, тянет друга в мою сторону.

С этими парнями у нас своя, особенная версия дружбы, хоть и разные мы абсолютно.

С Саньком познакомились на первом курсе — он путал списки, уверял, что мой стул — его по праву. Спор возник из ничего, зато потом первый же совместный смех закрепил нас в одной компании. Саня попал на медико-кибернетический случайно (по собственному признанию — на спор), а потом втянулся. Мы даже ржали всем потоком: мол, если Саня смог убедить комиссию, чего уж нам бояться.

Дима — почти полная противоположность: серьёзный, умный, ботаник с телом качка. Познакомились, когда делали лабораторку. Оказалось, оба не любим, когда рядом кто-то трещит без умолку, но Саню почему-то приняли оба. Он, что ли, клей, который лепит нашу разную троицу.

Саня первым подходит и протягивает мне руку — пожимаю с силой, потом здороваюсь с Димой. Они плюхаются напротив меня на диван, Саня тут же начинает оглядываться по сторонам в поисках чего-нибудь интересного.

Дима кивает мне и задаёт свой фирменный вопрос, внимательно вглядываясь — уж он-то чувствует настроение лучше всех.

— Ну что, Дёмыч, как жизнь студента-тусовщика?

Я фыркаю:

— Ха-ха! Я тут сижу уже четверть часа и чувствую, что без вас тут не тусовка, а детсад.

— А кислый чего тогда?

— Да нормально всё, — отмахиваюсь. — Просто лучше бы курсовую доделал.

Саня, крутя ложку в руке:

— Ну ты и ботан, Дёма. Оглянись, тут такие девчонки.

Я пожимаю плечами, смотрю по сторонам:

— Какие?

Саня смеётся, кивая на соседний столик, где сидят две девушки.

— Какие, какие... Вон смотри, одна на тебя так зырит, будто сейчас затащит за стойку.

Димон встаёт на мою сторону:

— Отвали от него, Саня.

Тут телефон вибрирует, я одним глазом уже выхватываю экран.

— Во, — Саня сразу замечает. — Кто там? Всё по виртуалочке?

Я не сдерживаюсь, смотрю на экран и улыбаюсь, читая:

Мики: Ну что, рискнёшь?

Саня хлопает меня по плечу:

— Ты вообще с нами, или опять на своей волне?

Я только отмахиваюсь и, не скрываясь, отвечаю Мики, а сам думаю: чёрт, вот же зараза — сижу тут с двумя реальны-

ми друзьями, а улыбаюсь всё равно в телефон.

Ян: Для начала: признавайся, ты сейчас в пижаме, нижнем белье, или у тебя те самые шедевральные носки?

Мики: На мне нет носков. А всё остальное — для особо избранных.

Ян: Считай, ты уже выиграла первый раунд. Для особо избранных — это какой цвет фантазии?

Параллельно, не отрываясь от экрана, бросаю друзьям:

— Признаю, сейчас думаю не о вас, а о девушке, с которой даже не знаком вживую, но хочу писать больше, чем говорить с большинством «реальных»...

Саня фыркает:

— Ты точно на "кибере", а не на психологии учишься?

Я парирую:

— Просто у меня утром чат, а у тебя — попытки подкатить к официантке.

Санёк подмигивает:

— Меньше болтай — больше делай. Только по-честному, если это не прикол: вообще реально получить что-то в жизни от такого "флирта"?

— Если заморачиваться — почему бы и нет, — хмыкаю в сторону, и в этот момент снова сообщение.

Мики: Могу намекнуть: алый. А теперь твой ход — какая самая нелепая вещь ради девушки?

Печатаю, не задумываясь:

Ян: Красил волосы в зелёный.

Мики: Ради меня — рискнул бы на глупости?

Ян: Особенно если глупости не заканчиваются на переписке. Спокойно могу скинуть почти эротическую фотку своих усталых ног ;)

Саня мимо кивает, Дима прыскает над чашкой:

— Пока ты виртишь в сети, слышал про новое место для "мафии"? Не "настолка", а настоящий квест... Можешь быть нашим Шерлоком.

— Ты же сам в "Монополию" спорить не умеешь, Саня...

— Здесь всё по-взрослому. Тебе для будущей профессии, почти, считай практика.

— Ну ладно, — соглашаюсь, — только если после сессии.

В этот момент телефон снова вибрирует.

Мики: О боже, вот это уровень. Ладно, обмен устроим: ты — свои, я — свои. Только честно!

Ян: С энтузиазмом. Но ты первая!

— Ну что, подписал себе приговор! — Саня подбивает Диму локтем, но тут мне приходит фото.

На экране появляется долгожданное фото. Мики выслала его первой. На снимке длинные красиво очерченные обнаженные ноги, немного смятый плед, алый лак на пальцах. Этот цвет словно подчеркивает, всё не так уж и невинно. Меня тут же накрывает волной смущения и желания, удивительно сильной. Ощущая, как в теле вспыхивает возбуждение — и понимаю, что тут дело не только в картинке. Я вспоминаю её глаза, чуть хриловатый голос, иронию, этот осо-

бенный юмор, который проскакивает между строчек... Всё это складывается в одно. Мики может завести меня до дрожи даже по переписке.

Ян: Признаюсь честно — теперь боюсь, что если однажды коснусь этих ног, забуду, кто я такой.

Мики: Смелая заявка. Теперь твой ход.

Но не успеваю ничего сделать, как вдруг Саня резко тянется через стол, хватая мой телефон и орёт:

— Да что там у тебя?!

— Эй! Про личные границы вообще-то слышал? — возмущённо тянусь к нему рукой, пытаюсь выхватить обратно.

Саня уже уставился в экран и ухмыляется во весь рот:

— Вау, Дёмыч! С такими ногами я бы тоже из онлайна не выползал! Всё, пацаны, больше не подкалываю твой чатик!

Я вырываю у него телефон обратно, откидываюсь на спинку дивана и смеюсь вместе с ними, бурча про себя что-то про любопытных придурков.

Внутри — дрожь, та самая, сладкая и тревожная одновременно. Хочется одним рывком перескочить через экран, забыть обо всех смайликах и вечных переписках и просто увидеть её наяву — без фильтров, без виртуальных пауз. Трогать, чувствовать, впитывать каждый момент этих настоящих прикосновений.

Похоже, вот она — вторая причина. Я хочу касаться её

по-настоящему.

Глава 6

Ян: Друзья смотрят косо, как буду дома — отправлю от-
ветку.

Мики: Буду ждать.

Уже спустя два часа, когда оказываюсь дома, сразу открываю диалог с Мики. Смешно, насколько быстро привычки меняются: раньше сразу кидался в душ или просто втыкал в потолок. Сейчас первое движение — пальцы сами скользят по экрану. Она онлайн. От одного зелёного кружка на аватарке включается какой-то азарт, чуть учащённое сердцебиение — ну прямо как у подростка.

Я помню своё обещание — задолжал ей фотку. Но вместо этого на несколько минут ненормально залипаю на ее последних фотографиях. Чёртовы ножки... красивые, ну вот почему так вышло?

Наконец решаюсь. Вытягиваю ноги на кровати, в спортивных штанах и серых носках — ничего особенного. Но вдруг тянет на подростковый кураж, и я специально медленно задираю штанину, ловлю свет на камеру — чтобы уж наверняка было видно, что тут всё натурально: волосы, костлявость, всё, что есть. Секунду туплю, то ли смущаюсь, то ли понимаю, что это кринж.

В итоге фоткаю, и пока не передумал — отправляю. Сердце начинает почему-то стучать чуть быстрее.

Ян: Долг платежом красен. Лови свой “почти эротический эксклюзив” — специальные волосы и стандартные носки в подарок.

Почти тут же появляется “печатает”...

Мики: О, вот это смелость! Я аплодирую стоя. Даже мой лак меркнет на фоне этих мужских шедевров.

Появляется улыбка — такая, что трудно сдержаться.

Ян: Если бы знал, что мои ноги когда-нибудь окажутся в чьей-то личной коллекции, учился бы брить их в совершенстве.

Мики: Не вздумай! Ты разрушишь весь образ настоящего мужчины. Ты в курсе, что девушки могли бы полюбить тебя только за это фото?

Ян: Похоже, я всю жизнь недооценивал силу волосатых мужских ног...

Мики: Вот увидишь, минимум две барышни оценят — твоя мама и я. Всё, теперь можно смело объявлять конкурс “угадай владельца по голени”.

Я не могу не рассмеяться. Закинув ногу на ногу, чувствую, как лёгкая неловкость уступает место приятному внутреннему волнению. Стопроцентное попадание по эмоциям — одновременно и глупо, и волнительно. В голове уже роятся варианты, что еще добавить — хочется пойти дальше, но хочется и не перегнуть, не сделать неловко ей. Всё кажется игрой, где правила меняются на ходу — и где по-прежнему она держит ритм.

Я делаю паузу, немного разминаю пальцы, смотрю на диалог и мысленно анализирую границу. До настоящей “18+” или держаться около неё? Решаю рискнуть аккуратно: вдруг ей это тоже интересно?

Ян: А если я попрошу тебя отправить фото чуть выше колена — это будет наглость или территория доверия?

Пару секунд мерцает “печатает...”, а потом сыплется смайлик с чертенком:

Мики: Территория особой наглости. Но тебе, может быть, позволю. Всё в рамках игры?

Ян: Считаю, я по краю иду. В рамках игры обычно такие вопросы не задают — так что ты можешь ставить мне штрафные.

Мики: Строго наказывать буду вечером, когда узнаю, носишь ли ты пижаму или засыпаешь в трениках.

Ян: Пижаму? Я же не девчонка.

Не давая себе второй шанс передумать, фоткаю часть своего пресса, чтобы выглядело по-игривому и немного на грани. Отправляю почти автоматически — и сразу ловлю внутренний дискомфорт: вдруг это слишком?

Мики: Я не просила.

Сердце немного сжимается. Быстро печатаю:

Ян: Извини, если перегнул.

Она не отвечает сразу, заставляя меня гадать — не перебрал ли я на этом “уровне” игры. Очень не хочу испортить настроения или сделать неловко.

Мики: Просто... если это игра, я должна что-то в ответ?

Я задерживаю дыхание, правда ли? Всё же пишу честно, не давя, но с надеждой:

Ян: Если ты только хочешь. Я не прошу. Но мне бы хотелось. Честно.

Осознаю, что сейчас главное — её ответ, а не очередная попытка казаться смелым или остроумным. Всё внутри напряжено, будто я балансирую на тонкой грани доверия и чего-то ещё, совсем нового для нас двоих.

Мики какое-то время молчит, и меня начинает разбирать легкая нервозность. Слишком ли резко? Перебор? Но наконец статус «печатает...» сменяется коротким сообщением.

Мики: Тогда держи, но предупреждаю: я сейчас в домашней футболке, пижаму не выгуливаю. Вышло... как вышло.

Через секунду приходит фото. На экране — мягкий свет, тени на коже, край домашних шорт и кусочек обнажённого бедра. Вроде бы ничего лишнего, и всё же именно в этой откровенной простоте есть что-то до дрожи реальное. Ощущение, будто заглянул в приватную часть чужой жизни, не выставленную напоказ, не позирующую под фильтры, а настоящую.

Я задерживаю взгляд на экране — на этот раз не тороплюсь печатать ответ, будто смакую то, что получил. Сам себе завидую. Неужели простая картинка может будоражить не хуже любого кино? Замечаю, как пальцы чуть дрожат, когда печатаю:

Ян: У меня официальный передоз симпатии. Мечтаю провести пальцами по этим самым миллиметрам.

Сердце стучит неровно, внутри гуляет смесь волнения, азарта и лёгкой наглости. Получаю ответ — и понимаю, что такие разговоры вытягивают из меня всё честное, чему никогда не давал выйти наружу.

Мики: Тебе бы только ближе... Ты всегда такой честный? Улыбаюсь, отвечая без раздумий:

Ян: С тобой — слишком честный. Наверное, это следствие нашей игры без правил.

Чувствую, как линия между виртуальным флиртом и совсем настоящим доверием окончательно исчезает. Сама атмосфера между нами стала иной — не просто шалость, не просто игра.

Мики: Мне нравится. Идеальный формат для сумасшедших признаний после полуночи.

Ян: Просто скажи, если вдруг будет некомфортно. Я не хочу переступить ту грань, которую ты сама не готова стереть.

Я действительно хочу, чтобы она сама устанавливала правила. Сейчас для меня главное не сбить этот хрупкий баланс: идти дальше, но не задеть доверие, не оттолкнуть. Каждая фраза — как поход по тонкому льду, но этот настрой ранит и возбуждает одновременно.

Мики: Договорились.

Пауза. Сердце отбивает в такт её онлайна на экране. Ре-

шаюсь рискнуть:

Ян: Мне кажется, мы готовы перейти на новый уровень.

Мики: Заинтриговал. И что это за новый уровень?

В голове проносится столько вариантов ответа, что от этого ещё тревожнее. Но ни один не кажется по-настоящему живым. Понимаю, когда так, лучше не изобретать, а говорить откровенно. Вместо сухого текста набираю в груди воздуха и решаюсь на голосовое.

Пару секунд просто лежу на кровати, позволяя себе слушать тишину комнаты — мерцает только экран, пальцы на холоде чуть подрагивают. Перевожу дыхание, ещё раз думаю, стоит ли — и всё равно жму запись.

— Мики, если бы я был рядом, я нервничал, рассказывал тупые шутки и возможно просто молчал и смотрел на тебя. Но слушал. Потому мне кажется, ты умеешь увлечь.

Время идет, я понимаю, что Мики прослушала мое голосовое. Возможно не один раз, и только через пять минут, я вижу, как она тоже начинает записывать голосовое.

И когда сообщение пролетает, я сразу его включаю.

Звук на секунду сбоят, а потом раздаётся её голос — слегка хриплый, глубокий, с той самой едва заметной игривостью, от которой внутри всё сжимается:

— Ян... если бы ты был рядом, я бы, наверное, тоже молчала первые минуты. Говорить — легче через экран. А вживую я бы сбивалась на глупости, смотрела бы куда угодно, только не прямо на тебя. Но ты — именно тот человек, с ко-

торым мне бы наконец захотелось быть собой, без фильтров и пауз. Не знаю, как это объяснить... Может, это и есть тот самый новый уровень?

Я слушаю её голос снова и снова. Каждый раз задерживаю дыхание, пытаюсь поймать эти новые ощущения до самого конца. От её интонаций по спине пробегают мурашки, тепло приливает к коже, дыхание сбивается.

— Определённо, Мики, — записываю ответ.

Поднимаюсь на локтях, глухо улыбаюсь — и вижу, что она всё ещё онлайн.

— У тебя классный голос, Ян, — приходит следующее сообщение.

Я невольно улыбаюсь.

— У тебя тоже... Прямо секс по телефону.

— Фу, Ян, — прилетает в ответ, но я представляю, как она там улыбается, может даже чуть краснеет.

— Всё, молчу. Спокойной ночи, Мики.

— И тебе сладких снов, Ян.

Я ещё долго лежу в темноте, переслушивая её голосовые, ловя каждую интонацию. Её голос — такой тёплый, нежный, реальный.

Как я мог забыть его?

Кажется, я только что нашёл ещё одну причину.

Голос, от которого по коже бегут мурашки, а волосы на руках предательски встают дыбом.

Глава 7

МИКИ

Будильник начинает вибрировать и гудеть ровно в 6:30. Я по инерции нащупываю телефон под подушкой, выключаю звук и ещё пару минут лежу, глядя в потолок, прислушиваясь к тихой, упрямой радости: я дома. Не палата с холодной лампой и запахом хлорки, не чужая постель, не капельница рядом. Моя комната.

Я сладко потягиваюсь, зеваю, откидываю одеяло и встаю. Пол приятно прохладный. Подхожу к окну, раздвигаю штору — за стеклом парк: коричнево-золотые кроны, тонкий утренний туман, пробивающийся свет. По дорожке кто-то выгуливает собаку, ветер шевелит листья, и от этого окна в комнату вливается свежий октябрьский воздух. Я улыбаюсь — день начинается правильно.

В углу, правда, всё ещё стоит коробка с вещами Макса. На спинке стула висит его худи, и на полке валяется его наушник и зарядник. Я на автомате поправляю покрывало, сдёргиваю худи и перевешиваю на дверцу шкафа — сегодня эти мелочи не колют. Сегодня у меня первый полноценный учебный день.

В ванной тихо напеваю, торопливо умываюсь, собираю волосы в хвост, потом передумываю — оставляю распущенными, подумываю над лёгким макияжем и сглаживаю щёки тонким слоем крема. В зеркале — я, но как будто чуть иная: с новой точкой сборки где-то за грудиной. В шкафу вынимаю чёрные джинсы, тёплый свитер и любимую куртку, кидаю в

рюкзак папку с тетрадами, пенал, блокнот с мягкой обложкой, пару стикеров на удачу.

На кухне оживлённо: чайник тихо посапывает, на плите шкворчит что-то яичница, пахнет тостами и корицей. Папа с кружкой кофе уткнулся в ноутбук. Я улыбаюсь:

— Всем доброе утро!

— Доброе, Элла, — откликается первым отец.

— Доброе утро. Садись давай, пока не остыло, — добавляет мама и ставит передо мной тарелку с тостами. Оценивает меня быстрым «проверяющим» взглядом, будто отмечает галочками: приличная одежда, причёска, неброский макияж.

— До сколько сегодня учишься? — как бы между прочим спрашивает она.

— До трёх, — выпаливаю, откусывая тост и тут же обжигаю язык. — Чёрт...

Мама вскидывает бровь — она не переносит ругательств за столом. Я виновато улыбаюсь:

— Горячо, — показываю на тост и, прежде чем откусить снова, дую на него.

— После учёбы не задерживайся, нам нужны лишние руки на обои. Ладно? — мягко, но без вариантов.

— Хорошо, мам, — киваю, хотя внутри тянет вздохнуть: совсем не горю желанием возиться с ремонтом в комнате брата. Папа, не поднимая головы, тихо усмехается, будто слышит мои мысли, и отхлёбывает кофе. Я допиваю чай,

проверяю рюкзак, и ощущение «я дома» на секунду становится плотнее и теплее, как пар над кружкой.

В этот момент по полу шаркает Макс, полуодетый, с припухшими глазами.

— Видела мой зарядник? — ворчит он вместо приветствия.

— Там же, где ты его оставил, — отвечаю спокойно. — И, Макс, к вечеру забери вещи из моей комнаты, okay?

Он бурчит что-то вроде «угу» и исчезает. Я глотаю чай почти кипятком, хватаю яблоко «на потом», затыкаю шарф в ворот, рюкзак на плечо — и бегу к двери, а мама вслед поднимает пальцы сердцем:

— Хорошего дня!

Подъезд пахнет мокрой пылью, а на улице в лицо мягко дует осенний ветер — терпкий, с привкусом листвы.

До универа добираюсь на маршрутке: окна запотели, в салоне пахнет мокрыми куртками и сладким кофе из стаканчиков. Вместе с общим потоком студентов выливаюсь к входу и оказываюсь в здании, в котором успела проучиться совсем чуть-чуть, прежде чем лечь на плановое лечение. Контраст бьёт в нос: вместо хлорки — буфетный запах выпечки, вместо шёпота медсестёр — гул голосов и звонкий смех в коридорах.

Коридоры текут, как реки: каждый течёт в свою аудиторию, у каждого — своя траектория. На стенах — объявления о пересдачах и кружках, чей-то дрожащий почерк в расписа-

ниях; у автомата выстраивается мини-очередь за кофе. Пол блестит, кроссовки скользят на поворотах, эхо шагов подхлёстывает. Я на секунду замираю у стенда, пытаюсь поймать нужную аудиторию, и чувствую, как грудь невольно сжимается: «А вдруг... снова потеряюсь? А вдруг в дверь войду не туда?»

Не успеваю закончить мысль. Ко мне подходит девушка с короткой стрижкой, в строгом тёмном кардигане и уверенной походкой.

Кажется, она из моей группы.

— Ты же Микаэлла Герц? — спрашивает она так, будто уже всё знает.

— Да, — киваю.

— Отлично. Привет. Мы не успели познакомиться. Меня зовут Алёна Косухина. Лучше просто Косуха. Я староста. Пойдём, покажу аудиторию, добавлю тебя в чат. Сразу предупреждаю: если потеряешься — пишешь мне в любое время, я не кусаюсь, — в её голосе нет ни капли раздражения. И улыбка — быстрая, тёплая.

Она берёт меня под локоть, разворачивает, словно мы уже знакомы тысячу лет, и ведёт по коридору. Постукивают каблуки, по лестнице краем глаза ухватываю солнечный прямоугольник. Поднимаемся выше — всё, кажется, просто и управляемо. От этого становится легче дышать.

Первая пара у нас право. Преподаватель с лёгкой иронией разжёвывает тему, на доске ровным почерком появляются

ключевые слова, пахнет маркером. Я сажусь ближе к центру, чтобы не прятаться, но и не быть на виду у всех. Кто-то просит у меня запасную ручку, и я делюсь. Кто-то шепчет про контрольную, а я киваю. Мы ещё почти не знакомы, но уже с первых минут слышу, как где-то за спиной шепчут:

— Герц... после второй пары пошли в нами в столовку.

Это странно приятно — не как ярлык, скорее как признание «своя в команде». Косухина в конце пары скидывает в чат презентацию, сжатые тезисы — работает как точный механизм. В голове у меня вместо «как там будет» осторожно вспыхивает «получится».

Далее, уголовное дело — поглубже, погуще. Преподаватель с ходу объявляет кейс, и мы всей аудиторией разбираем цепочку событий: кто и что видел, как вообще оформляли протокол, какие доказательства допустимы. Я ловлю себя на том, что уже не просто пишу, а включаюсь. Тяну руку, и когда преподаватель кивает, произношу:

— Если свидетель — несовершеннолетний, а при разговоре не было педагога, сколько вообще это будет стоить в суде? Это же априори проблемное доказательство.

Пару секунд тишина — и вдруг слышу одобрительное «угу», кто-то кивает, преподаватель уточняет наводящими вопросами, я отвечаю уверенно. Сердце барабанит скорее от драйва, чем от страха. Косухина, сидящая через ряд, поворачивается, ловит мой взгляд, поднимает большой палец и позже шлёт лаконичное «молодец» в чат. От этого одно ко-

роткое слово согревает.

Между парами нас пятеро, вместе с Аленой, заваливаемся в столовую. Шум подносов, запах котлет и кофе, плотная очередь — всё как в кино про студенчество. Берём по салату и кофе, кто-то ещё хватает булочку «на сладкое». Садимся у окна, быстро утоляем голод, обмениваемся короткими историями: у кого-то в общаге «взорвался» чайник, у кого-то препода перепутал списки. Мы смеёмся так, что я забываю, что сегодня первый после долгого пропуска день. Алена легко раздаёт «организационные поручения», кто-то спрашивает у меня конспект, кто-то — где мой факультет.

Кажется, я зря боялась. Я вписываюсь — и это чувство тёплое, как свежий кофе в бумажном стакане.

Далее у нас психология. Вообще-то, моя любимая. Разбираем, как память может «дорисовать» событие, где прячется «ложная уверенность», почему свидетели иногда искренне уверены в несуществующих деталях. Спорим: я, девочка через ряд, парень у окна — без злости, без желания перебить. Я говорю о том, как иногда страх окрашивает картины, как сама недавно ловила себя на странных воспоминаниях после бессонных ночей. Слушаю себя со стороны — и впервые не стыжусь. Я точно своём на месте.

И последней парой на сегодня — история. Преподаватель размеренно диктует, как старый метроном: даты, факты, очевидные выводы.

Половина аудитории честно записывает, кто-то грызёт ба-

тончик под партой, две девочки шепчутся о фильме, сосед справа вяло крутит ручку. Я записала первые три абзаца, и понимаю, что из школы помню это всё почти слово в слово. Ослабляю хватку, поворачиваю тетрадь, прикрываю экран и, осторожно, открываю чат.

Мики: Мой преподаватель по истории лучше снотворного. Что делать?

Прикусываю губу в ожидании — не уверена, что Ян ответит: вдруг он тоже на парах и, в отличие от меня, не зависает в телефоне. Но, к моему счастью, сообщение прочитано — и на экране всплывает: «Ян печатает...»

Ян: Выпишу антисон: сейчас — пара комплиментов, вечером — мой голос.

Уголки губ сами тянутся вверх, кончики пальцев чуть покалывает.

Мики: Мне нравится твой антисон.

Ян: Я не мастер комплиментов, но факт: ты умеешь отвлекать даже на расстоянии. В самом приятном смысле.

Сердце сбивается с ритма — лишний удар, как от маленького электрического импульса.

Мики: Тогда прекращаю отвлекать... До вечера?

Ян: Считаю минуты.

Я прячу телефон, ловлю строгое движение преподавателя — лучше притвориться, что всё записываю. Пишу дату ещё раз, вывожу жирную линию.

На секунду отвожу взгляд к окну. Там к стеклу мягко при-

жимается кленовый лист, задерживается, будто дышит вместе со мной, а потом плавно соскальзывает вниз. Я улыбаюсь себе — будто день подмигивает и делает мне маленький подарок.

Глава 8

Дом пахнет клеем и свежей бумагой. По коридору разложены рулоны, в ведре размешивается клей — белый, с комочками, как манная каша. Папа в старой футболке наносит его кисточкой по светлой полосе. Максимилиан строит из себя прораба. Переодевшись в старую домашнюю футболку и леггинсы и собрав волосы в тугую гульку на макушке, я появляюсь на пороге комнаты брата и поднимаю руки: мол, я здесь.

— Держи, Эл, — папа протягивает мне чистый валик. — Сначала праймим стену, потом клей. Наша задача — без пузырей.

— Поняла, без пузырей, — киваю, и приступаю к работе.

Первый лист идёт почти идеально: мы втроём синхронно прикладываем, папа выгоняет воздух к краям, я прокатываю валиком, Макс с умным видом подрезает низ. На втором мы чудесно косячим: рисунок не совпадает, щель в полсантиметра смотрится как пропасть между вселенными.

— Не трогаем! — папа поднимает руку, как на перекрёстке. — Оставим до сухого, потом подшаманим.

— Подшаманим, — хором повторяем с Максом. Я еле

сдерживаю смешок.

Третий лист снова ровный. Четвёртый пузырится, как вселенная минеральная вода. Мы с Максом подпираем стену, словно она собирается упасть, папа долго, осторожно выводит валиком воздух, говорит:

— Спокойно, без паники, это просто воздух, а не конец света.

И правда — плывёт, выходит, ложится.

— Сколько нам ещё? — спрашиваю, смахивая клей с ладони в тряпку.

— Два островка, — папа кивает на угол. — И перерыв.

Эти «два островка» я прокатываю почти сама, чувствуя какая-то странную уверенность, как будто всё, что держалось на скотче в моей голове, сейчас аккуратно клеится по линиям. Когда папа объявляет технический перерыв, я вздыхаю и, пока мужчины идут пить чай с шарлоткой, я тихо отступаю.

— Я к себе, — говорю я, хватая рюкзак из коридора.

— Десять минут, — напоминает отец из кухни.

— Ага! — отвечаю и почти бегу в свою комнату.

Запираю дверь, прислоняюсь к ней спиной и улыбаюсь. На моем стуле уже не худи мелкого, а его коробка переехала в гостиную. На подоконнике снова любимая кружка и цветы на своих местах.

Беру телефон со стола, он будто тёплый, и давно уже ждет своего часа.

Пишу Яну.

Мики: Перерыв десять минут. Я по уши в клее. Вытащишь меня в нормальную реальность?

Он отвечает быстро — и это по-прежнему удивляет и радует одновременно.

Ян: На связи. Хочешь наберу?

На долю секунды замираю — внутри лёгкий толчок, будто сердце споткнулось о ступеньку. Быстро принимаю решение: хочу слышать его сейчас, живым, без пауз между буквами.

Мики: Давай.

Вставляю наушник в ухо. Его голос мягко скользит под ключицу — низкий, ровный, с тем самым узнаваемым смешком, который я уже слышу даже в простом «привет».

— Ну что, инспектор, рапорт с места событий, — говорит он. — Сколько пострадавших рулонов и кто первый под подозрением?

— Папа — главный, брат — представитель оппозиции, — смеюсь, ощущая, как в животе теплеет. — Я — отдел борьбы с пузырями.

— То есть ты самый опасный агент, — хмыкает. — Боюсь задавать лишние вопросы, чтобы не сорвать операцию.

— Можешь, — устраиваюсь у окна, упираюсь плечом о стену. Парковая аллея внизу тонет в раннем сумраке, фонари ещё не зажглись, на стекле запотевший круг от моего дыхания. — У меня десять минут, пока клей «впитывает жизнь».

— Тогда короткий инструктаж, — в голосе у него лёгкое

тепло. — Как прошёл день? Выжила среди пар?

— Выжила и даже понравилась себе, — честно. — Право, уголовное, психология. История пыталась меня усыпить, но ты мне помог. За что я тебе безмерно благодарна.

— Обращайся, — отвечает беспечно. — Нашла людей, с кем ок? Или пока наблюдаешь?

— Есть парочка клёвых, — улыбаюсь в стекло, ловлю своё отражение с розовыми от тепла щеками. — Мне кажется, у нас всё взаимно.

— Мне начинать ревновать? — вкрадчивая интонация, полушутя, полусерьёзно.

— Не стоит, — отвечаю сразу, даже слишком быстро.

Пауза обнимает нас обоих. Я чувствую, как пальцы на телефоне становятся горячее.

— Придётся поверить на слово, — мягко сдаётся он.

Я прикусываю губу, чтобы не сказать больше, чем планировала.

Далее, мы болтаем о мелочах — про преподавателей, про смешные случайности на парах, про вечный студенческий кофе. Я ловлю себя на том, что с ним вообще не приходится искать тему. Он слушает так, будто я читаю что-то важное — не лекцию, а настройку дня.

— Слушай, можно один... личный? — Ян вдруг замолкает, и я слышу его вдох. — Из какого ты города?

Вопрос простой, но он падает куда-то в глубину и долго тонет. Я молчу пару секунд. Потом честно:

— Ян, а если мы — на разных концах? Если окей в чате, окей в звонках, а карта — такая... большая. Что мы тогда? Я не хочу разочароваться. И не хочу, чтобы ты разочаровался. Если окажется, что это просто... не в наших руках.

Слова выходят мягко, но резонируют сильнее, чем ожидала. И тишина в трубке — не пустая, а аккуратная. Он не перебивает, не шутит поверху — ждёт.

— Смотри, — говорит он тихо. — Давай в игру. Если мы с тобой насчитаем десять причин — настоящих, не выдуманных, — то... договоримся на личную встречу. Даже если это будет другая сторона света и тысяча километров дороги. Справедливо?

Я сижу у окна и слушаю, как это предложение плавно становится чем-то большим, чем просто «игра». Внутри сначала тепло, потом вдруг прохладно, как от порыва ветра.

— А если... не дойдём до десяти? — спрашиваю осторожно. — Если на восьмой будет страшно?

— Тогда остановимся, — спокойно говорит он. — И это значит, что мы честные. Но... у меня стойкое ощущение, что тебе хватит и пяти. Мне — уже да.

Я смеюсь. Наконец-то легко.

— Ты сам себе всё усложняешь, — говорю. — Но уговариваешь убедительно.

— Так что? — он улыбается в голос, и я почти вижу этот внимательный взгляд. — Играем?

— Играем, — киваю, хотя он не видит. — Только дого-

вор: никакой спешки и давления. Десять — так десять. Настоящих, не ради галочки.

— Договорились, — без паузы. — Мой внутренний детектив уже открыл дело. Дело №10.

— Ты неисправим, — не удерживаюсь от улыбки.

— Я просто люблю точные цифры, — отвечает. — В конце концов, ты же обожаешь списки.

— Записываю: твой юмор — в официальный список. Мне такие ребята нравятся. Парни с настоящим чувством юмора такие... ну, ты понял.

— Какие «такие»? — мягко поддразнивает он.

— Сексуальные, — признаюсь и почему-то краснею ещё сильнее. Хорошо, что он этого не видит.

— Оу, Мики, неожиданно. Значит, ты считаешь меня сексуальным?

— Что? Нет... то есть... не в этом смысле...

Он откровенно смеётся надо мной, а я закатываю глаза, но сама улыбаюсь.

— Всё, Ян, хватит.

— Ладно-ладно, завязываю, — уступает он. — Значит, причина номер... какая у тебя по внутреннему списку?

— Возможно, третья, — выдыхаю. — Или первая. У меня всё хаотично.

— У меня — в идеальном порядке, — он шутливо откашливается. — Первая — глаза, вторая — твои ножки, третья

— голос, четвёртая — ...

— Стоп, — смеюсь я. — Не сжульничай. Ты обещал не бежать впереди.

— Ладно, — сдаётся он. — Тогда вместо причин — порция поддержки: ты сегодня умница. И ещё... не бойся будущей встречи. Промежуток в километры не страшнее короткой паузы между звонками.

Странно, но это успокаивает — будто кто-то тёплой ладонью коснулся моего плеча и ничего больше не требует. Я смотрю в тёмный прямоугольник окна, где отражается моё лицо, и думаю, что иногда достаточно одной нужной интонации, чтобы переступить через собственный страх.

— Мне пора, — тихо говорю. — Кажется, клей готов.

— Напиши, как освободишься.

— Напишу.

Мы прощаемся. Снимаю наушник — возвращаются обычные звуки: папа зовёт, на кухне щёлкает чайник, пахнет клеем. Возвращаюсь к стене: смеёмся с Максом над кривым срезом, спорим с папой, где теплее батарея, чтобы схватилось быстрее. К вечеру рисунок наконец ложится ровно, и я тихо ускользаю к себе — не чтобы спрятаться, а чтобы выполнить обещание. Включаю лампу, надеваю наушник, открываю чат и пишу:

Мики: Я готова продолжать. И у меня, кажется, уже есть ещё одна причина.

Глава 9

ЯН

В крови будто взрываются эндорфины. Улыбаюсь, как идиот, уткнувшись в экран, когда читаю сообщение от моей Мики. Да, именно так — моей. Внутри это слово давно уже прилипло, и отлепить его невозможно. На других даже не смотрю. Саня пару раз пытался познакомить меня с девочками с других факультетов — и каждый раз это был просто белый шум. В моей голове и в моём телефоне есть одна-единственная девушка, с которой хочется говорить, смеяться, спорить, флиртовать — и, в конце концов, встретиться по-настоящему.

Я сегодня, возможно, валял дурака — по сути, предложил встречу даже в том случае, если нас разделяют тысячи километров. Но чем больше я о ней думаю, тем больше моя уверенность, что встрече быть.

Меня одновременно тянет и немного ломает изнутри: расстояние — слово длинное, пугающее, но что оно значит, если хочется касаться её, смеяться над её шутками, ловить её дыхание в трубке, вдыхать её запах в реальности, просто быть рядом? Я не романтик по профессии, но с ней все мои «правильные» границы расплываются. Пугает только одно — разочарование. Вдруг вся эта магия переписки растворится при реальной встрече?

И всё равно я выбираю идти дальше. Если честно, я уже мысленно считаю её причиной номер... да какая разница —

первой, второй, десятой. Я хочу пройти этот путь до конца: до встречи, до «привет» без экрана между нами. И если для этого придётся обойти полстраны — пусть так. Я не отступлю.

И всё-таки зудит любопытство: какую причину Мики готова озвучить следующей?

Ян: Какая?

Пауза всего в пару секунд тянется дольше, чем надо. Сердце сбивается на пол-удара. Потом приходит ответ:

Мики: Твой голос. Я соскучилась по твоему тембру.

Меня будто подталкивает изнутри. Пальцы сами нажимают на «вызов». Вставляю наушник; тишина комнаты густеет, и как только второй гудок прерывается, я выдыхаю:

— На связи твой поклонник, — шепчу, стараясь не усмехаться слишком очевидно. — С нетерпением жду твою причину.

— Боже, Ян, — она тихо смеётся, и у меня теплеет под рёбрами. — Тебе бы книги озвучивать.

— Какие? — не удерживаюсь.

— Восемнадцать плюс, — выдыхает. В этих двух словах больше электричества, чем во всех ночных переписках за неделю.

Я откидываюсь на спинку стула, ловлю взглядом потолок и улыбаюсь — в комнате становится жарче, чем нужно. Ладонь машинально скользит по подлокотнику, будто ищет опору.

— Тогда придётся тренироваться, — произношу ниже обычного. — С чего начнём? С пролога? Или сразу к главам, где держат за талию и не дают убежать?

Она смеётся открыто — и от этого по рукам бегут мурашки. На языке вертится ещё десяток фраз, но я удерживаю их за зубами, чтобы не сорваться в лишнее. Мне нравится баланс — когда можно сказать чуть больше, но не перейти черту.

— Расскажи, что бы ты сделал, будь я рядом, — просит тихо, осторожно ступая на шаткую линию.

Пауза — не потому что не знаю, а чтобы не наломать дров. Мы же договорились — честно, без давления. Но и играть в ни о чём не хочу. Выбираю среднюю глубину — искренне, но не ломая тон.

— Сначала... — говорю медленно, — выдернул бы тебя из клея и рулонов. Посадил бы к окну, где немного прохладно. Сделал бы горячий чай. И дал бы тебе две минуты тишины, чтобы просто выдохнуть.

— Ммм, — ровный звук у неё в телефоне: то ли “угу”, то ли улыбка. — Потом, — продолжаю, — убрал бы одну прядь с твоего лица... и накрыл твою руку своей. Сказал бы что-нибудь неуместно честное. Например, что мне нравится слушать, как ты дышишь, когда ищешь слова.

— Это опасное признание, — её голос становится ниже. — Продолжай.

— А дальше... — я усмехаюсь краешком губ, — дальше

я бы подошёл ближе. Гораздо ближе. И сказал бы что-то на ухо. Совсем тихо.

Она выдыхает.

— И что бы ты сказал?

— Что от твоего учащенного дыхания у меня стоит.

Мики фыркает, и мне кажется, что она даже немного краснеет от моей прямоты.

— Хорошо. Это даже... более 18+, чем я ожидала, — шепчет. — Потому что не слова заводят, а то, как они звучат.

Сглатываю, потому что в паху реально от ее слов оживление.

— Хочешь знать, что было бы дальше?

— Что?

А дальше меня будто ведёт. Я понимаю, что гоню вперед паровоза, но держать ровный курс уже сложно: гормоны, похоже, взбесились.

— Я взял бы твою ладонь, — говорю тише, — провёл по линиям, задержался на запястье и почувствовал, как там пульс становится чаще от моих касаний. Дыхание у тебя — глубже, грудь — чаще поднимается. И тогда я опустил бы твою руку вместе со своей ниже... туда, где ты точно почувствовала бы моё желание.

Торможу. В трубке — глухой стук, будто что-то упало. Живая реакция на мою откровенность. И на миг холодеет внутри: если сейчас сбросит и отправит в чёрный список — пойму.

Но Мики не спешит говорить. Я слышу её дыхание — неравное, чуть сбивчивое.

— Мики? — осторожно.

— Я тут, — выдыхает. — Задела рукой учебник, он улетел со стола.

— Извини, кажется, я зашёл далеко, — признаю, стараясь выровнять голос.

Она коротко хмыкает. Кажется, ходит по комнате — дыхание становится чаще, есть легкое эхо шагов.

— Я сама начала, Ян. Всё нормально. Просто... неожиданно. У меня раньше не было такого опыта — вот так по телефону.

— У меня тоже, — отвечаю сразу, не играя.

— Значит, с импровизацией у тебя всё в порядке, — пробует улыбнуться в голосе.

— Наверное, — усмехаюсь, чувствуя, как ладони согреваются, а сердцу тесно в груди.

— Прости, что не смогла подыграть, — тише добавляет она. — Кажется, я переоценила свои возможности.

— Мики, не заморачивайся, — мягко перебиваю. — Мы не обязаны всё проходить сейчас. Хочешь — переиграем: ты скажешь, что сделала бы, будь я рядом. Твой темп, твои правила. Как тебе?

В ответ — длиннее дыхание, пауза. Я буквально слышу, как она собирается с мыслями.

— Давай попробуем, — произносит наконец.

И я снова улыбаюсь, как дурак.

Глава 10

МИКИ

Сажусь поудобнее у окна, прижимаюсь плечом к стене, ладонью придерживаю тёплый наушник — будто так его голос будет ближе, почти у ключицы. Пальцы второй руки машинально гладят край пледа на коленях.

— Я слушаю, — говорит Ян. Голос ровный, низкий — от него в животе лёгкая дрожь.

Я глубже втягиваю воздух. Хочу быть честной и бережной, как он минуту назад со мной.

— Если бы ты был рядом, — начинаю, делая короткую паузу, — я бы не торопилась говорить. Сначала просто попросила бы тебя войти. Тихо закрыла бы дверь, чтобы нам никто не мешал.

Он молчит — то самое молчание, которое не давит, а держит.

— Я взяла бы тебя за руку и подвела к кровати, — продолжаю, невольно прикусывая губу. — Села бы рядом. Не прямо, а чуть наискосок, чтобы видеть тебя боковым взглядом.

— Продолжай, — тихо откликается Ян. По интонации слышно, что он улыбается едва заметно.

— Я коснулась бы твоего рукава, — произношу медленнее, внимательнее подбирая слова. — Сначала ткани. Потом — кожи у запястья. Там, где ты перед этим проверял мой пульс, помнишь? Я бы тоже проверила твой. Только ради то-

го, чтобы признаться: сердце бьётся чаще, чем минуту назад.

Он коротко, беззвучно усмехается — я почти вижу, как у него при этом поблескивают глаза.

— Я бы провела пальцем по линии твоей ладони, — щёки делаются теплее, — как ты делал со мной. А потом... убрала бы рукой одну непослушную прядь с твоего лба. Мне нравится думать, что вблизи ты чуть смущаешься, хоть и делаешь вид, что нет.

— Это правда, — выдыхает он мягко. — Ещё.

— Я бы приблизилась, — голос у меня становится тише. — Не резко. Так, чтобы ты успел это заметить, но не успел отступить. Подняла бы взгляд и посмотрела прямо в глаза.

В трубке тишина — плотная, тёплая, как плед. Я невольно улыбаюсь, взгляд цепляется за отражение в стекле.

— Тебе ведь нравятся мои глаза, — напоминаю его признание, и уголки губ предательски поднимаются.

— Очень, — отвечает сразу. — А что дальше?

Я хмыкаю, на секунду разряжая напряжение:

— А дальше я бы включила какой-нибудь ужастик.

— Ты любишь ужастики? — он будто приподнимает бровь, и мне смешно от этого воображаемого жеста.

— Терпеть не могу!

— Тогда зачем их смотреть?

— Чтобы у нас была причина обниматься, дурачок, — шепчу, зажимая улыбку в кулаке.

— А-а, — тянет со смешком. — Мики, ты — голова.

— А то, — выдыхаю тихий смех.

— Так, мы отвлеклись. Продолжай, — его голос становится вновь мягче, глубже.

— Ян, я бы прижималась к твоей груди и прятала глаза от яркого экрана, — говорю, чувствуя, как дыхание у меня становится глубже и ровнее. — Вдыхала бы твой запах — тёплый, спокойный — и знала, что я в безопасности. Потому что ты обнимал бы крепко. И шептал бы, что это всё — просто кино.

Плечи сами собой расслабляются, лопатки словно расправляются. Его молчание на другом конце — как разрешение идти дальше, как ладонь, легшая на плечо.

— Мики... — произносит он моё имя так, будто берёт в ладони, бережно. Я прикрываю глаза на секунду, задерживаю вдох и улыбаюсь — едва, чтобы не спугнуть собственных слов.

— Я верно поняла, что моя версия событий тебе понравилась.

— Еще как.

— Тогда финал отложим до встречи.

— Договорились, — его голос мягко улыбается. — До завтра, Мики.

— До завтра, Ян.

Я кладу телефон на тумбочку, настраиваю будильник и гашу свет. Тишина ложится ровным слоем, и вместе с его голосом в голове становится спокойно. Через пару минут я

уже проваливаюсь в царство Морфея.

Сон подкрадывается незаметно — и вдруг становится очень ярким. И таким реальным, что я уже сомневаюсь, а сон ли это. В комнате темно, тишина плотная, ночная, но я знаю, что он рядом: матрас едва пружинит, простыня чуть шуршит под его весом. Он склоняется ниже, наши лбы соприкасаются — в этой точке тепло, как от маленького огонька. Я слышу, как меняется его дыхание, и в этот момент понимаю: сейчас.

Его губы касаются моих нежно, осторожно. Тёплая волна прокатывается по телу от шеи к пальцам рук. Я закрываю глаза и позволяю этому мигу тянуться, сколько нужно. Вроде ничего особенного — просто поцелуй, — но он собирает в себе всё: наши списки и причины, смешки и паузы, — и сжимает до одной-единственной точки. В неё хочется провалиться без остатка.

Хочу обнять и и прижаться ближе. Поднимаю руки и резко просыпаюсь от того что обнимаю воздух. Руки падают вдоль тела. Еще ночь. Сердце бьётся часто, как после короткого забега, лоб влажный, ладони горячие, пальцы судорожно сжимают край простыни. Я делаю глубокий вдох.

— Это сон, — шепчу в темноту, чтобы вернуть себя в реальность.

Несколько секунд лежу, позволяя телу успокоиться: пульс в висках стихает, дыхание выравнивается. Я снова закрываю глаза и осторожно пытаюсь удержать образ — не столько сам

поцелуй, сколько прикосновение лба к лбу, тепло ладони, тихое «сейчас» между вдохами.

Есть лёгкая жалость, что это всего лишь сон, но без горечи — скорее как предвкушение. Всё было настолько живым, что я точно знаю: мы туда дойдём. До первого прикосновения. До поцелуя, который не придётся удерживать в памяти, боясь, что он распадётся.

Глава 11

Я всегда любила учиться — в школе, в танцевальной студии, теперь в университете. Мне нравится ощущать, как работает мозг, когда впитывает новые знания: разбирает их на части, складывает по полочкам, ищет связи. А потом — как эти кирпичики соединяются с моей логикой, опытом, интуицией и превращаются во что-то живое, применимое.

Сегодня, например, на уголовном мы спорим о допустимости доказательств: кто-то горячится, кто-то держится сухо, когда я могу спокойно формулировать мысль. Преподаватель стучит маркером по столу, удовлетворительно кивая.

На психологии продолжаем разговор о памяти: как она «дорисовывает» детали, кормит нас иллюзией точности. Я киваю и ловлю себя на мысли, как легко поверить своему мозгу, если очень хочется. Например, как в сегодняшнем сне: его поцелуй был таким осязаемо-тёплым и мягким, будто я действительно почувствовала вес его ладони у себя на талии, прикосновение лба к лбу, едва уловимое движение губ

— и проснулась с учащённым пульсом, уверенная, что это произошло. Память любит пустоты и заполняет их тем, чего не хватает — телом, дыханием, близостью.

На полях аккуратно пишу: «Проверить феномен внушения, искажение воспоминаний, телесная память».

Сегодня у меня четыре пары, и осталась последняя. Перерыв короткий — всего десять минут, — а нам нужно успеть перебраться из одного конца корпуса в другой. Я всё ещё путаюсь в коридорах, поэтому хвостиком держусь за Косухиной. Ей, кажется, не в тягость моя компания.

Примерно на середине пути у Алёны начинает вибрировать телефон. Она на ходу смотрит на экран, останавливается у окна, прикрывает второе ухо ладонью, чтобы расслышать собеседника.

— Да, Саня... — короткая пауза, взгляд уходит куда-то за стекло. — Где ты? — ещё секунда. — Подходи к проходной. У меня через семь минут звонок. Я спущусь.

Отключает вызов, выдыхает и с лёгкой виноватой улыбкой смотрит на меня:

— Мне надо брату отдать ключи от квартиры, — говорит Косухина. — У него одна пара отменилась, не хочет болтаться до обеда. Свои ключи, как всегда, забыл. Ты как — со мной или в аудиторию?

Я оглядываюсь — коридор тянется во все стороны, стрелки на указателях будто читаются медленнее обычного — и прикусываю нижнюю губу. Одна я точно буду дольше плу-

тать, чем если просто схожу с ней.

— Я с тобой, — киваю. — Одна точно заблужусь.

— Ну пошли, — коротко отвечает Алёна и прибавляет шаг.

Мы спускаемся на первый этаж. В холле гулко: у турникетов спорят из-за пропуска, кофемашина гроыхает стаканчиками, охранник лениво машет кому-то, чтобы проходили. У стеклянных дверей прохладно — створки постоянно распахиваются и захлопываются, впуская влажный, шершавый осенний воздух. Я машинально подтягиваю лямку рюкзака, чтобы не сползала. Алёна идёт быстро и уверенно, я держусь рядом. Мелькает мысль: хорошо, что у этого маршрута есть человек-навигатор, и я не одна плыву в этом шумном потоке одна.

У проходной нас уже ждут двое парней. Кажется, чуть старше нас, но ненамного. Первый — высокий, с чуть расчёпанными светло-русыми волосами и тёплой, открытой улыбкой, делает шаг вперёд — понимаю, что это и есть тот самый Саня. К тому же, если приглядеться, то можно увидеть схожие черты. Но пока брат с сестрой обсуждают ключи, я перевожу взгляд за спину Сани на его друга — очень симпатичного брюнета. У парня чуть выющиеся волосы и выразительные скулы. На нём широкая чёрная худи с откинутым капюшоном, одна рука в кармане спортивных брюк, а во второй — телефон. И всё его внимание сосредоточено на нём, пока я нагло разглядываю его.

— Только прошу, будь дома, а то и я не попаду домой, — доносятся до меня слова Косухиной.

— Дождусь тебя, не переживай. Мы с Дёмычем у нас зависнем.

— О, привет, Дёма, — только теперь Алена приветствует друга брата.

Тот отвечает коротким кивком — вежливо, без слов. Взгляд вскользь скользит по мне, задерживается на миг и возвращается к телефону. Видимо, там что-то явно интереснее двух девчонок.

— Кстати, можешь подружку с собой прихватить, — протягивает Саня, нарочито разглядывая меня. — А то раньше не замечал, чтобы у моей любимой сестрёнки были такие симпатичные подружки.

Улыбаюсь от комплимента.

— Не твоего поля ягодка, — спокойно отсекает Алёна, даже не меняя интонации.

Саня лишь усмехается, сдаёт без споров:

— Принято. Можно хотя бы имя узнать? — теперь уже обращается прямо ко мне.

— Элла, — почему-то называю своё второе имя. — Приятно познакомиться.

— Саня, — он в ответ на секунду кладёт ладонь на грудь, как в безобидной пародии на этикет. — И мне приятно.

В этот момент по корпусу прокатывается звонок — резкий, чистый звук будто прорезает воздух. Я невольно вздра-

гиваю. Подруга касается моего локтя:

— Всё, нам пора.

Она легко тянет меня к входу, и я уже разворачиваюсь, когда замечаю, как брат Алёны машет так по-домашнему, что не ответить было бы странно. Мы сливаемся с потоком: через турникеты, в холл, на лестницу — по ещё не до конца знакомому мне маршруту к аудитории. Я стараюсь запоминать ориентиры — плакаты у поворотов, яркую стойку у окна, табличку с номером кабинета. Мне нужна карта университета в телефоне.

Глава 12

После последней пары мы выходим с Косухиной на улицу и глубоко вдыхаем прохладный осенний воздух. Забегаем в кафе у корпуса, берём кофе на вынос. Крышечки легко щёлкают, стаканы приятно греют ладони. Идём в сторону остановки, шаг синхронизируется сам собой. Асфальт местами блестит от влаги, ветер мягко поддевает край моего шарфа и задевает кончики волос.

— Герц, надеюсь, ты не запала на моего брата? — произносит Алёна как бы невзначай, делая глоток.

— Что? — я на секунду притормаживаю, переводя взгляд на подругу. — Нет, конечно, — отвечаю после короткой паузы, чувствуя, как краска чуть-чуть трогает щёки.

— Ты не думай, я не против, — продолжает она спокойно. — Просто предупреждаю, Саня не плохой парень. Просто

он... бабник.

Усмехаюсь, пряча улыбку в крышечке стакана. Признать-
ся, мысль была похожая. По Сане видно — он обожает жен-
ское внимание и, скорее всего, в нём не испытывает дефи-
цита.

— Понятно. Но я и не думала, — пожимаю плечами.

— А про кого думала? Или, погоди... у тебя есть парень?
— косится на меня хитро.

— Нет, у меня нет парня, — отвечаю, поправляя лямку
рюкзака.

— Надо это исправлять, — с улыбкой констатирует Алена.

— А у тебя есть парень? — переводя стрелки, спрашиваю
я.

— Да, — кивает. — Мы с Мишей ещё со школы. Сейчас
у нас любовь на расстоянии. Он поступил в Питере.

— Сложно так поддерживать отношения? — аккуратно
уточняю.

Мы останавливаемся у перехода, голос светофора глухо
отбивает такт.

— Если честно, да, — Алёна ненадолго опускает взгляд,
крутит стакан в ладонях. — Но мы решили попробовать год.
А если не получится — расстанемся.

Звучит очень по-взрослому. И в то же время — немного
безысходно. Я делаю глоток кофе, смотрю на тонкий пар над
крышкой и ловлю себя на невольной мысли: «Расстояние пу-
гает всех». У меня внутри отзывается слабый укол — воспо-

минание о разговоре с Яном, о договорённости найти десять причин, чтобы увидеться, как далеко друг от друга мы не находились. А если мы он живет во Владивостоке? Что тогда? Может, лучше всё закончить пока не стало окончательно поздно? Пока я окончательно по увязла в своей влюбленности онлайн?

— Слушай, — Алёна встряхивается, возвращая себе обычный деловой тон. — Поехали ко мне. Я тебе конспекты за прошлый месяц скопирую. Чтобы не таскать всё это в универ.

— Давай, — соглашаюсь. — Только ненадолго. У нас дома ремонт, надо помогать.

— Да без вопросов, — кивает. — Быстро управимся.

Косухина живёт в десяти минутах езды от универса — удобно до смешного. Я же трачу на дорогу не меньше полчаса, а её дом как назло в противоположной стороне от моего. Значит, обратно мне светит все сорок минут. Сразу понимаю: засиживаться не буду — быстро возьму копии и вернусь.

Мы поднимаемся на лифте на девятый этаж. В подъезде пахнет чем-то ванильным — видимо, у кого-то пирог в духовке. Алёна нажимает на звонок, и спустя секунд десять, дверь резко распахивается. На пороге — Саня. Волосы взлохмачены, в глазах — живой блеск, на губах лёгкая улыбка, а на правой щеке — милая ямочка, которая явно помогает его обладателю в покорении девичьих сердец.

— О, у нас ещё гости, — констатирует он, глядя сначала на меня, потом — на сестру.

Я машинально приглаживаю шарф, перехватываю рюкзак поудобнее.

— Мы по делу, — Алёна проходит мимо, снимая шарф и ловко закидывая его на крючок.

— А у нас пицца, — Саня показывает куда-то в сторону и отступает, пропуская нас внутрь. — Заходите, — и сразу оставляет нас одних.

Я переступаю порог и оглядываюсь. Короткий коридор, домовые тапочки у стены, в комнате слева — полоска мерцающего света от телевизора, слышны щелчки геймпада и мужские голоса.

Снимаю верхнюю одежду и обувь. Следую за Алёной в её спальню, но мельком заглядываю в зал. На диване полулёжа, с джойстиком в руках развалился Алёнин брат, перед ним на журнальном столике — коробка из-под пиццы. На большом пуфе сидит второй — тот самый Дёма. Его корпус подан вперёд, локти на коленях, взгляд приклеен к экрану. Света нет — только блики от игры бегают по лицам.

Слышу как у Алёны в комнате начинает гудеть принтер, и спешу туда.

Косухина складывает тетради в ровную стопку, я держу края, чтобы листы не съезжали. Бумага шуршит, аппарат греется и пыхтит.

— Это — за прошлую неделю, — комментирует Алёна,

переноса копии на край стола. — А это — ранее. Главное — вот эти лекции.

— Спасибо тебе большое, — искренне благодарю.

Закончив, подруга идёт меня провожать.

— Девчонки, а пицца? — слышу окрик Сани.

— И правда, пойдём по куску хоть съедим, — присоединяется Алёна.

Я смотрю часы. Минут десять я точно могу ещё посидеть.

— Только если по одному.

— А по два там и нет скорее всего, — усмехается подруга.

Мы возвращаемся в зал. Там по-прежнему полумрак, экран подсвечивает стены зелёно-синими вспышками. Саня ставит перед нами открытые тарелки.

— Угощайтесь, не стесняйтесь.

— Какой ты у меня гостеприимный, братец, — поддевает Косухина брата.

— Весь в сестрёнку, — парирует в ответ. — Играть будете?

Я качаю головой: нет. В стрелялки с монстрами я точно не впишусь — это явно их территория. Саня кивает, будто так и ожидал, и разворачивается к экрану.

Снимаю крышку с коробки, беру один тонкий треугольник. Сыр тянется тонкими нитями, пахнет томатами и копчёными колбасками, тёплое тесто приятно греет пальцы. Откусываю — солоновато и горячо, чуть обжигает нёбо.

Друг Сани — тот самый Дёма — головы не поднимает,

лишь машинально тянется к своей тарелке, откусывает узкую полоску, не отпуская геймпад. Взгляд снова приклеивается к экрану. Я невольно залипаю на его движениях. Играет легко, точно, без суеты. Отмечаю, как уверенно проходит маршруты, как быстро ориентируется на карте, как знает, где «открывается» следующий уровень. Он не смотрит в нашу сторону, и это почему-то не кажется грубостью — просто он целиком в том, что ему сейчас действительно интересно.

Саня его противоположность. Он комментирует каждое своё движение, шутит, нервно смеётся, когда «подставляет», шумно радуется плюс одному очку.

— Ты снова лезешь туда, где тебя прижмут, — спокойно бросает Алёна, прислонившись к дверному косяку.

— Зато не скучно, — коротко отзывается Саня, улыбается боком и снова ныряет в игру.

Я доедаю свой кусок молча, вытираю пальцы салфеткой. В комнате темно, только блики от экрана бегают по стенам и полосами ложатся на наши лица. Чувствуется тепло от пиццы и гулкий бас из динамиков, за окном уже вечер.

— Я пойду, — говорю, поднимаясь. — Спасибо за пиццу.

— Забегай ещё, — кивает Саня, не отрываясь надолго от экрана, но голос у него искренний.

Дёма будто на секунду собирается повернуть голову, но в этот момент на его персонажа прыгает монстр. Он едва заметно кивает в нашу сторону — жест короткий, сдержанный, — и вновь уходит в игру.

В коридоре Алёна протягивает мне конверт с копиями.

— Напиши, как доедешь, — говорит спокойно, как что-то само собой разумеющееся.

— Хорошо, напишу, — киваю, прячу конверт в рюкзак и улыбаюсь.

На улице уже стемнело. Ветер поднимает с асфальта лёгкие клочки листьев и гонит их вдоль тротуара. Воздух прохладный, чистый, пахнет мокрой землёй. Остановка почти пустая, но маршрутка подходит быстро. Я сажусь к окну, прислоняю лоб к прохладному стеклу. Ехать сорок минут. Считаю светофоры, дома, окна с тёплым светом.

Через пару остановок в маршрутке напротив меня оказывается влюбленная парочка примерно моего возраста. Они смеются полушёпотом, переговариваются, коротко целуются — так, словно иначе не выходит. Это не раздражает, но внутри что-то тонко сжимается. Немного грустно. Немного завистно. Хочется тепла рядом, а не только в телефонной трубке.

Достаю телефон. Большой палец сам ложится на экран. Пишу, почти не думая:

Мики: Привет. Кажется, я соскучилась.

Ответ приходит сразу, как будто он держал чат открытым и ждал сигнала:

Ян: Привет. И я соскучился.

Я ловлю себя на улыбке — тихой, невольной. Всего четыре коротких слова, а будто что-то щёлкает на место. И их

вполне достаточно, чтобы внутри проросло ясное, тёплое желание — увидеться ещё сильнее. Потому что это взаимно.

И от этой мысли становится легче дышать.

Глава

13

Forest Blakk - Fall Into Me

ЯН

Ещё ни от одной девушки я не был так зависим, как от Мики. Это уже не просто привычка — настоящая зависимость от нашего с ней общения. Я ловлю себя на том, что проверяю телефон чаще, чем дышу. Переслушиваю её голосовые на ночь и засыпаю, по-любому, с дебильной улыбкой. И с каждым днём этого мало. Мне мало букв на экране и голоса в динамике.

Я хочу знать, чем пахнут её волосы — сладко ли, с ноткой шампуня или совсем без запаха. Какая у неё кожа на ощупь — тёплая, прохладная, гладкая, нежная, с маленькими родинками, которые видны только из-под близкого света. Солонватая ли кожа на шее после долгого дня. И такая ли она настоящая, как в моём восприятии через экран.

Мы знакомы всего две недели, а кажется — больше. Смешно, но я уже знаю её паузы и то, как меняется её дыхание, когда она смеётся. И всё равно этого недостаточно. Как будто между нами тонкая плёнка — близко, но не прикоснуться.

Хочу большего. Боюсь сказать это прямо и одновременно

не могу не думать об этом. Поймать её взгляд вживую. Услышать голос не из наушников, а рядом. Проверить, совпадёт ли реальность с тем, что уже живёт во мне. И если честно — да, я готов рискнуть. Потому что хуже, чем так и не узнать, точно не будет.

Мне уже не нужны эти десять причин, потому что мне хватило и одной. Но я сам предложил эти правила, и давать заднюю, а тем более давить не хочу.

На учёбе я ещё могу отвлекаться на пары, лабораторки, вечные правки в курсовике. Но каждый вечер мы на связи — и этот ритуал успокаивает лучше любой музыки. Я ловлю себя на том, что иногда открываю наш чат по инерции, без цели — просто убедиться, что она не удалила наш диалог, и она где-то там, на другом конце: живая, уставшая, ироничная... моя.

И всё равно в груди шевелится маленькое нетерпение — хочется не только букв и голосовых, хочется самой её, в реальности, где можно не закрывать глаза, чтобы представить.

В среду звонят родители, зовут на выходные домой. Я смотрю в расписание и вздыхаю — планы уже расписаны. В субботу у Сани день рождения. Обещаю, что приеду в следующие, честно. В трубке сначала тишина, потом мамино «ну ладно, только не пропадай». Кладя телефон, чувствую вину. Потому редко звоню и еще реже приезжаю.

Я из посёлка городского типа, где одна школа на всех, автобус когда повезёт и никаких учебных заведений дальше

девятого—одиннадцатого. В старших классах стал тем самым ботаником и олимпиадником — решал до ночи задачки, ездил на туры, мечтал вырваться в большой город.

Золотая медаль и первое место на областной олимпиаде дали бюджет в вуз. Помню, как дрожащими пальцами искал себя в списке зачисленных, а когда нашёл, в горле встал комок. Потому что получилось.

Так уж вышло, что учёба для меня всегда была важнее девчонок. На первом курсе я сознательно держал дистанцию — не хотелось распыляться и отвлекаться.

А в этом году что-то изменилось. Впервые поймал себя на ожидании не только пар и дедлайнов, но и чьих-то сообщений. Чат-рулетка случилась со мной случайно — из скуки, из бессонной ночи, из того самого «а что, если?». И с этого момента всё пошло иначе.

В субботу днём пишу Мике:

Ян: Сегодня к другу на день рождения. Думаю спокойно посидим в баре. Буду на связи позже.

Почти сразу всплывает ответ. Чувствую, как внутри растекается тепло.

Мики: А я к подружке на ночёвку. Буду с телефоном, если что. Хорошего вечера!

Ян: И тебе, Мики)

К вечеру в наш общий чат Саня скидывает локацию и бодро дописывает: Санёк: Всё будет культурно.

Я автоматически ставлю к его сообщению реакцию «ок»,

а внутри включается знакомое «давайте без меня». Ночные клубы — не моё: слишком шумно, людно, а потом бас ещё полдня долбит в ушах.

Поэтому все-таки пишу:

Ян: Я, пожалуй, пас.

В личку приходит Димон.

Дима: Не бросай меня там одного.

Вздыхаю. Сдаюсь. Если честно, я был уверен, что это будут обычные посиделки в баре с кружкой пива и разговоры, которые можно слышать, не крича в ухо.

Ян: Ладно. Приду.

Через два часа мы встречаемся у входа. Небольшая очередь, светодиодная вывеска мерцает, как тревожная лампа. Ещё не вошёл, а спина уже сжимается от басов — будто они просачиваются через стены. Саня сияет, как новогодняя гирлянда: обнимает всех по очереди, называет всех по фамилиям, выкручивает общее настроение одним своим «ну чё, родные!».

Внутри — полумрак, цветные кляксы софитов расползаются по стенам, воздух густой, тёплый, влажный, как в аквариуме. Бас отдаёт в грудь, липнет к рёбрам. Кажется, я пересекаю плотный слой шума — по клейкому полу, мимо дым-машины, подсвеченного бара и длинной змеи людей, ползущей к танцполу.

Наш столик ближе к танцполу, чем мне бы хотелось. Семь парней, три девушки — шум, смех, хлопки по плечу. Тосты

здесь не выживают — любую фразу съедает бас. В ход идёт механика: по кругу летят стопки, соль, лайм. Все чокаются почти вровень, морщатся синхронно и почему-то смеются именно из-за этой синхронности. Я запиваю соком, грею ладони о стакан и пытаюсь поймать своё отношение к происходящему. Не получается. Чувствую себя вежливым фоном этой вечеринки — присутствую, но не растворяюсь.

Смотрю на Димона, то вскидывает бровь, мол, норм? Киваю. Саня носится по кругу, как на собственной орбите. Делаю глоток сока, чувствую сладкую липкость на языке и думаю, что иногда быть рядом — это тоже часть дружбы. Даже если слишком громко.

Слева от меня подсаживается симпатичная блондинка. Подъезжает на диванчике ближе, чем это прилично в мирном обществе, наши колени почти соприкасаются. Я автоматически напрягаюсь.

— Привет, тебя как зовут? — она почти касается губами моего уха, иначе тут не услышать.

— Дёма, — привычно. — А тебя? — чистая вежливость, голос стараюсь держать ровным.

— Настя, — улыбается, и в этот же момент её духи ударяют резко, приторно, слишком.

Верхняя сладкая нота щекочет в носу, мысленно отступаю на шаг, хотя двигаться, увы, некуда. Диван не резиновый.

Она что-то говорит про то, что обожаю эту песню, наклоняется ещё ближе, грудью упирается в моё плечо. Я чувствую

тепло её кожи через ткань, и одновременно — как сжимается внутри всё, что не любит навязанный контакт. Не то чтобы я против людей — просто этот ритм не мой. Хочется воздуха, полуметра тишины, возможности смотреть не в чьё-то ухо, а в глаза.

Я киваю, чтобы не быть грубым, и ловлю себя на мысли, как странно распределяется внимание: тело Насти буквально здесь, рядом, а сознание всё время сносит в сторону — туда, где не звучат приторно сладкие духи и где нет этой навязанной близости. Вокруг бас лупит, Саня смеётся, Димон подмигивает, думая, что блондинка мне пришлась по вкусу, но иначе считываю собственную реакцию и честно признаю: не моё.

Саня тем временем машет официантке, а потом раскрывает свои руки для своей сестры. Рядом с Алёной стройная девушка в коротком чёрном платье. Волосы собраны в высокий хвост, открывая длинную шею и острые ключицы. Блики с экрана прыгают по коже, цепляются за ключицы, тухнут и снова вспыхивают. Я ловлю себя на том, что смотрю дольше, чем стоит.

Мне кажется, я её уже где-то видел. Но где? В голове пробегает лист вопросов — пусто. Имя — пустота. Но ощущение узнавания щёлкает, как выключатель в тёмной комнате: картинка ещё не резкая, но ты уже знаешь, куда тянуться.

— Ты, кстати, любишь клубы? — Настя снова дышит мне в ухо.

— Не особо, — отвечаю честно. — А вот друга — да.

Она смеётся, наклоняется ещё ближе. Я отодвигаюсь на тот самый полсантиметра — достаточно, чтобы не быть грубым. Она продолжает говорить — про факультет, про пары, про каких-то ребят с потока. Я киваю в нужных местах, а сам разглядываю подружку сестры друга. Саня притягивает её ближе, Алёна что-то говорит брату, официантка выкатывает новый поднос с бокалами, вокруг всё вспыхивает и затихает, как свет на воде. Девушка поворачивает голову, её взгляд на секунду идёт поверх людей — и цепляет меня. Глаза — голубые. Такой чистоты, будто январское небо упало в темноту зала. Я знаю этот цвет. Пульс делает лишний удар, в горле становится сухо.

Шанс — ничтожный. Один на миллион...

— Секунду, — говорю Насте. — Схожу, поздравлю именинника.

Она пожимает плечами, делает глоток коктейля. Я протискиваюсь к Сане — мимо чужих локтей, сумок, разговоров, цепляю носком край платформы, ловлю равновесие. Встаю рядом, хлопаю именинника по плечу. Саня оборачивается сиянием гирлянды:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.